

Троллоп Энтони

**Золотой лев в Гронпере
(Эльзас)**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84-4
367

Э67 **Энтони Т.**
Золотой лев в Гронпере: (Эльзас) / Троллоп Энтони – М.: Книга по Требованию, 2023. –
158 с.

ISBN 978-5-519-77460-4

ISBN 978-5-519-77460-4

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2023
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2023

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг — не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель — вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания — решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

домовъ занимаемы самими владѣльцами и содержатся въ чрезвычайной чистотѣ и опрятности; ярко блестятъ на солнцѣ ихъ аспидныя крыши. Почти надъ каждою дверью красуется вывѣска, большія буквы которой объясняютъ, что домовладѣлецъ торгуетъ полотнами, выдѣлываемыми въ цѣлой странѣ. Не считая уютнаго, пріятнаго впечатлѣнія, производимаго Гронперомъ, онъ обладаетъ еще прекрасною окрестностью и кто разъ только видѣлъ этотъ прелестный уголокъ земли, тотъ не можетъ не полюбить его. Кромѣ того здѣсь большое изобиліе воды: у подошвы покатоствей лежитъ красивое озеро; многочисленные ручейки, журча, бѣгутъ изъ горныхъ странъ и своимъ теченіемъ приводятъ въ движеніе, въ своей прохладной глубинѣ, колеса многихъ водяныхъ мельницъ. Тамъ и сямъ стремится небольшой водопадъ и виднѣется легко доступный горный хребетъ, съ вершины котораго открывается изъ за Швейцарскихъ горъ восхитительное зрѣлище восхожденія солнца, наконецъ въ трехъ миляхъ отъ деревни черезъ дикое ущелье одиноко течетъ главная рѣка и воды ея особенно стремительны на томъ мѣстѣ у новой улицѣ въ Мюнстеръ, гдѣ дугою изгибается мостъ. Она служитъ обитателямъ Гронпера богатымъ вознагражденіемъ за недостатокъ въ ихъ природѣ величественныхъ красотъ и видъ, открывающійся съ нея, вполне оправдываютъ всѣ хвалебныя пѣсни деревни, о своей родинѣ.

Обширная гостинница въ Гронперѣ, подъ вывѣскою «Золотой левъ» производитъ на путешественника странное впечатлѣніе своею неуклюжей, хотя и для хозяйства удобной, архитектурой и своимъ происхожденіемъ, по всей вѣроятности обязана все болѣе и болѣе увеличивающейся торговлѣ полотнами, равно какъ и прекрасному мѣстоположенію и чудному горному воздуху. Внутреннее помѣщеніе этого заведенія можетъ имѣть только самую скромную претензію на французскую роскошь, но не смотря на то, дѣла хозяйства не перестаютъ идти въ гору и благосостояніе хозяина «Золотаго льва» все болѣе и болѣе процвѣтаетъ.

Такъ какъ гостинница эта служить весьма важнымъ источникомъ для нашего разсказа, то пусть же читатель немедленно познакомится съ ея обывателями и въ тоже время узнаетъ, что если нашъ разсказъ въ состояніи возбудить въ немъ нѣкоторый интересъ, то до самого его конца онъ долженъ будетъ семейнымъ образомъ расположиться въ «Золотомъ лѣвѣ», но не какъ гость, изрѣдко приходящій и уходящій, а какъ другъ дома, посвященный во всѣ сокровенные дѣла семейства. Онъ не долженъ противиться раздѣлить съ хозяиномъ его обѣдъ, обязанъ часокъ—другой побесѣдовать съ хозяйкою и поближе сойтись съ ихъ сыномъ, знакомство съ которымъ можетъ принять, по желанію, болѣе или менѣе интимный характеръ, и наконецъ онъ долженъ также умѣть, со всею симпатіею дружбы принимать участіе во всѣхъ радостяхъ и горестяхъ племянницы хозяина. Читатель, которому это не понравится и который не въ состояніи отказаться, на нѣкоторое время, отъ общества знатныхъ дамъ и кавалеровъ, сдѣлаетъ хорошо, если позволитъ автору предостеречь его ни на одинъ шагъ не вступать въ гостинницу «Золотой левъ».

Во время нашего разсказа, хозяинъ Михаилъ Фоссъ былъ человекъ довольно красивый, сильный, высокій и дѣятельный. Такъ какъ во всей общинѣ каждый зналъ, что сыну его уже двадцать пять лѣтъ отъ роду, то не трудно было сосчитать, что ему самому стукнуло уже приблизительно пятьдесятъ, хотя по наружности этого и не было видно. Не смотря на довольно полную фигуру, походка его была чрезвычайно легка и рука хозяина дома обладала изрядною физическою силою. Въ его коротко остриженныхъ, темныхъ и кудрявыхъ волосахъ пробивалась уже небольшая сѣдина, но усы и борода сохраняли еще свой блестящій, каштановый цвѣтъ. При живыхъ, умныхъ и карихъ глазахъ, онъ имѣлъ носъ съ горбомъ и большой ротъ. Онъ былъ почти всегда въ веселомъ расположеніи духа и любилъ свое семейство, но считалъ себя первымъ въ домѣ и придерживался того воззрѣнія, что преклонныя года даютъ ему право лучше знать, чѣмъ

молодымъ людямъ, что для нихъ хорошо и что худо. Въ домѣ всѣ его любили и въ деревни онъ пользовался всеобщимъ уваженіемъ, но, въ выпуклости его носа и въ сверканьѣ глазъ, лежало нѣчто, что способно было возбудить страхъ въ его приближенныхъ. И въ самомъ дѣлѣ Михаилъ Фоссъ въ состояніи былъ потерять терпѣніе и придти въ сильную ярость.

Нашъ хозяинъ былъ во второй разъ женатъ. Отъ первой жены имѣлъ онъ единственнаго сына, Георга Фосса, который ко времени нашего разсказа достигъ уже двадцатипятилѣтняго возраста. Георгъ между тѣмъ не находился подъ кровомъ своего отца; онъ на время перешелъ къ владѣтельницамъ другой гостиницы Кольмаръ. Георгъ Фоссъ считался въ деревнѣ умнымъ, смѣтливымъ молодымъ человѣкомъ и многіе, въ этомъ отношеніи, предпочитали его отцу. Когда онъ, ставши оберкеднеромъ въ гостиницѣ въ Кольмарѣ, принялъ на себя управленіе всѣмъ домомъ, при чемъ оказалось что Георгъ даже изъ этого ветхаго, пришедшаго въ упадокъ, заведенія сдѣлалъ извлечь значительную пользу, то стали поговаривать, что Михаилъ Фоссъ поступилъ весьма опрометчиво, отпустивъ отъ себя сына. Истинная-же причина удаленія сего послѣдняго, была небольшая ссора, происшедшая между отцомъ и сыномъ, а оба характерами такъ походили другъ на друга, что отцу трудно было удержать свое господство, а сыну трудно подчиниться.

Георгъ Фоссъ былъ очень похожъ на своего отца, съ тѣмъ исключеніемъ, однако, что своею наружностью далеко уступалъ ему, какъ часто говорили старички въ Гронперѣ. Онъ былъ тѣлесушнѣе отца, нѣсколькими першками ниже его ростомъ, соразмѣрно уже въ плечахъ и никогда отъ его руки нельзя было ожидать такой-же физической силы. Но онъ имѣлъ тѣже ясныя и карія, чрезвычайно умныя глаза, тотъ-же ротъ и орлиный носъ, широкій лобъ, хорошо сформированный подбородокъ и тоже выраженіе лица, по которому казалось такъ и чувствовалось, что онъ охотнѣе повелѣваетъ, чѣмъ повинуется. И такъ произошла маленькая

ссора и Георгъ Фоссъ перешелъ въ домъ родственницы своей матери и принялъ управленіе ея дѣлами.

Впрочемъ между отцемъ и сыномъ дѣло не дошло до разрыва и Георгъ не могъ упрекнуть себя въ неповиновеніи родительской воли. Дѣло просто на просто состояло въ томъ, что ихъ характеры были слишкомъ сходны и когда Михаилъ, заподозривъ сына въ намѣреніи совершить извѣстную глупость, нашелъ нужнымъ объяснить ему, что не допустить его до этого, то Георгъ заблагоразсудилъ отвѣтить, что для его успокоенія, можетъ уѣхать изъ Гронпера. Вслѣдствіе этого онъ и простился со своею родиною и отправился на почтовый дворъ въ Кольмаръ, гдѣ сталъ правою рукою и подпорою своей престарѣлой родственницѣ, мадамъ Фарагонъ.

Обстоятельство, вызвавшее упомянутую ссору, было любовное дѣло, при чемъ возникъ вопросъ, влюбился ли Георгъ въ племянницу своей мачихи, Марію Бромаръ и намѣренъ ли онъ на ней жениться. Но прежде чѣмъ ближе объяснить этотъ случай, необходимо сперва познакомить читателя съ мадамъ Фоссъ и ея племянницей.

Мадамъ Фоссъ была почти двадцатью годами моложе своего супруга, которому принадлежала уже пять или шесть лѣтъ. Онъ взялъ ее изъ Епиняля, гдѣ она жила вмѣстѣ съ значительно старшею, овдовѣвшею сестрою, разлука съ которою, при замужествѣ, была самая горестная.

— «Если съ Марією случится какое-либо несчастье», сказала она Михаилу, передъ тѣмъ чѣмъ дать ему свое согласіе, «не правда-ли, тогда Минни Бромаръ найдетъ у насъ пріютъ?» и Михаилъ Фоссъ, пылавшій тогда любовью къ избранной невѣстѣ—горячо пылавшій, не смотря на свои сорокъ четыре года—охотно далъ требуемое обѣщаніе. То, чего боялись, дѣйствительно случилось въ скоромъ времени: мадамъ Бромаръ переселилась въ вѣчность и Минни Бромаръ — или Марія, какъ ее называли впослѣдствіи, нашла гостепріимное убѣжище въ Гронперѣ. Михаилъ Фоссъ, какъ только ему напомнили о данномъ обѣщаніи, немедленно взялъ

ее къ себѣ. Еслибъ даже я ничего не общалъ, то тѣмъ не менѣе она должна-бы была переселиться къ намъ, сказалъ онъ. У насъ въ домѣ хватить мѣсто еще для одной дюжины. Слова эти вѣроятно относились къ крошкѣ, барахтающейся въ то время въ колыбели, въ комнатѣ его жены и служившей средствомъ для мадамъ Фоссъ дѣлать изъ своего супруга все что ей было угодно и добиться у него, болѣе или менѣе, всего чего желала. Такимъ образомъ случилось, что Марія Бромаръ, которой только что минуло пятнадцать лѣтъ, изъ Епиналя переехала въ Гронперъ и домъ, дѣйствительно, ничего не потерпѣлъ отъ ея присутствія. Марія, обладая нѣжнымъ и любящимъ характеромъ, скоро принаровилась къ привычкамъ и желаніямъ своего стараго дяди; она приучилась набивать ему трубку, изъ ея рукъ получалъ онъ тарелку супу, она подавала ему туфли и своими прекрасными руками обвивалась вокругъ его шеи, такъ что рѣшительно стала его любимцею. Когда она была еще ребенкомъ, все это чрезвычайно нравилось Михаилу; но черезъ пять лѣтъ, когда Марія стала взрослой дѣвушкой, въ его головѣ возникла мысль, какъ неприлично было-бы, еслибъ въ его домѣ, пока онъ самъ еще въ лучшихъ годахъ, устроилось второе семейство—въ то время въ колыбели лежала уже третья малютка — тѣмъ болѣе, что Марія не имѣла никакого приданого. Въ качествѣ старшей дочери, она сосредоточивала въ себѣ всѣ возможныя достоинства, однако Михаилъ не могъ сродниться съ мыслью, чтобы Георгъ женился, не добывъ предварительно себѣ самостоятельнаго положенія въ свѣтѣ. Благоразуміе настоятельно требовало, чтобы онъ на этотъ счетъ объяснился съ сыномъ.

Хотя мадамъ Фоссъ и была двадцатью годами моложе мужа, но никто не находилъ этотъ бракъ неравнымъ и никто не смѣялся надъ Михаиломъ, взявшимъ себѣ жену гораздо моложе себя, казалось что это такъ и должно было быть. Михаилъ отличался свѣжестью и бодростью, а мадамъ Фоссъ хотя и обладала пріятною наружностью и въ невѣстахъ, какъ говорили очевидцы,

была даже красавицей, теперь же на видъ казалась гораздо старѣе своихъ лѣтъ. Много заботъ и горя пережила она передъ тѣмъ, какъ Михаилъ женился на ней; потомъ пошли дѣти и безпокойства, вызванные управленіемъ огромнаго хозяйства. Привычка смотрѣть на Георга и Марію Бромаръ, какъ на своихъ собственныхъ дѣтей, изглаживало въ ней всякую мысль о разницѣ лѣтъ, существующей между нею и ея мужемъ. Какъ жена, она никогда не питала ни малѣйшаго желанія опередить своего супруга въ чемъ бы то ни было—съ нею было довольно и того, что въ нѣкоторыхъ вещахъ ее считали способною выражать свое мнѣніе и давать совѣты. Теперь мадамъ Фоссъ постоянно носила бѣлый чепецъ и платье изъ темной шерстяной матеріи, замѣняемое ею, по праздникамъ, чернымъ шелковымъ; на ея рукахъ были коричневые полуперчатки и въ мягкихъ войлочныхъ туфляхъ бродила она по всему дому. Какъ хозяйка предавалась она полезной дѣятельности хотя и безъ особенной энергіи, нѣжно была привязана къ мужу, къ которому питала однако небольшой страхъ, любила въ нѣкоторыхъ мелочахъ слѣдовать своему собственному разсудку, но въ другихъ, зависимыхъ отъ нея дѣлахъ, охотно позволяла руководить собою; огромная заботливость о дѣтяхъ, казалось, лишала ее способности много заниматься хозяйствомъ. Съ племянницей обращалась она нѣжно, вообще была ласкова со всѣми въ домѣ и считала лучшимъ днемъ для себя воскресенье, когда она могла воспользоваться правомъ пригласить къ своему столу господина пастора.

Будучи протестантомъ, Михаилъ Фоссъ не имѣлъ ничего противъ того, чтобы его преподобіе обѣдало у него въ праздничные дни, съ условіемъ, однако, чтобы онъ въ разговорѣ сохранялъ надлежащія границы и благочестивый господинъ съ удовольствіемъ согласился на невинную бесѣду во время трапезы.

Передъ тѣмъ, чѣмъ начать разсказъ, намъ необходимо сказать также нѣсколько словъ о Маріи Бромаръ.

Марія Бромаръ, героиня нашего небольшого романа и намъ-бы хотѣлось описать читателю роль, которую

она играла, подлѣ дяди въ обширной комнатѣ верхняго этажа гостиницы Гронпера.

Марія была вполне развита и находилась въ цвѣтѣ лѣтъ, она отпраздновала уже двадцатилѣтній день рожденія. Росту она казалась маленькаго, въ сравненіи съ ея очень высокими воспитателями, и отличалась стройнымъ, граціознымъ и чрезвычайно подвижнымъ станомъ. Владѣя крѣпкими мускулами, ей доставляло удовольствіе употреблять свои силы въ дѣло, почему всякая домашняя работа была ей хорошо знакома. Во время пятилѣтняго своего пребыванія въ Гронперѣ, она счумѣла заставить посвятить себя во всѣ тайны дядинаго ремесла. Она умѣла различать достоинство винъ по ихъ букету; по чувству угадывала полноувѣсенъ ли хлѣбъ и по первому взгляду могла судить такъ ли дѣлалось масло и сыръ; что касается до живности, то никто, въ цѣломъ приходѣ, не въ состояніи былъ надуть ея; въ яйцахъ она отлично знала толкъ и вѣрнымъ взглядомъ опредѣляла доброту полотна. Она умѣла даже рассчитать какъ долго продержится сѣно и сколько овса должно идти на конюшни. Еще году не прошло современіи ея пребыванія у дяди, какъ онъ увѣрился, что Марія не даромъ живетъ у него, а черезъ пять лѣтъ Михаилъ Фоссъ готовъ былъ поклясться, что не только въ Эльзасѣ, но и въ цѣлой Лотарингіи не найдется дѣвушки распорядительнѣе и умнѣе Маріи. Ко всѣмъ этимъ достоинствамъ она присоединяла еще красоту: ея роскошныя, каштановыя волосы кудрявыми волнами обрамляли лобъ и коротко остриженные сзади, локонами вились вокругъ красиво сформированной шеи. Ея сѣрые сверкающія глаза, хотя и имѣли небольшой зеленоватый отливъ, но полныя живости и ума, краснорѣчиво разказывали цѣлыя повѣсти о томъ, что происходило въ ея душѣ; такъ и читалась въ нихъ вся подвижность ея натуры и желаніе принимать участіе во всемъ, что было ей подъ силу. Ея отецъ, Иванъ Бромаръ, былъ такого же покроя какъ и Михаилъ Фоссъ, потому и у Маріи былъ тотъ же римскій носъ съ горбомъ, который придавалъ лицамъ хозяина и его сына выраженіе, заставлявшее остере-

гаться противорѣчить имъ. Ея ротъ былъ хотя немного великъ, но отличался бѣлыми, безукоризненными зубами и невозможно было видѣть ничего слаще ея улыбки. Однимъ словомъ, Марія была прелестная дѣвушка и Георгъ Фоссъ, чтобы не влюбиться въ нее, при такомъ близкомъ сожителствѣ, долженъ бы быть человекомъ безъ сердца.

По прошествіи пяти лѣтъ, развившихъ Марію, всѣ приближенные принуждены были сознаться, что наружностью и умомъ, она далеко превышала тетку. Но, почти невольно, сохраняла она всѣ свои прежнія привычки; прежде, постоянно, была она на ногахъ готовая къ услугамъ всякаго и каждаго—и теперь тоже самое. Садилась ли дядя и тетка за столъ, она всегда была у нихъ подъ рукою, ухаживала за ними, прислуживала посѣтителямъ гостинницы и заботилась о всемъ домѣ, такъ что всѣмъ казалось, будто она никогда не думала о самой себѣ. Сидящею находили ее весьма рѣдко; иногда пила она чашку кофе, стоя у маленькаго бюро, гдѣ вносила счета въ книгу или убирая со стола съѣдала кусочикъ мяса. Часто, во время ужина, Марія облакачивалась на кресло дяди, а когда тотъ приглашалъ ее придвинуть себѣ стулъ и раздѣлить съ ними трапезу, она обыкновенно отвѣчала, что предпочитаетъ тамъ и сямъ чтонибудь поѣсть. Дядя былъ для нея, во всѣхъ отношеніяхъ, предметомъ самой нѣжной внимательности, она по глазамъ угадывала его желанія, ревностно старалась предупредить его малѣйшія нужды и содѣйствовать къ исполненію всѣхъ его плановъ. Подобнаго идолопоклонства не видно было въ ея обращеніи съ теткою, но несмотря на то, она всегда была ея правою рукою, такъ что мадамъ Фоссъ, лишенная дѣятельности Маріи въ хозяйствѣ, рѣшительно не сумѣла бы управиться безъ нея. Такимъ образомъ Марія Бромаръ стала ангеломъ хранителемъ въ гостинницѣ «Золотой левъ» въ Гропперѣ.

Теперь остается еще только упомянуть въ немногихъ словахъ о спорномъ вопросѣ Георга Фоссъ и его отца, кончившемся тѣмъ, что Георгъ былъ отосланъ въ Кальмаръ; необходимо также прибавить одно

слово о томъ, что произошло между Георгомъ и Маріею. Послѣ этаго мы можемъ начать свой разсказъ, ни мало не заботясь болѣе о прошедшемъ.

Михаилъ Фоссъ, какъ человѣкъ справедливый, добросердечный и разумный, по всей вѣроятности ничего не имѣлъ бы противъ брака молодыхъ людей, еслибы планъ къ этому союзу первоначально былъ бы представленъ его разсмотрѣнію, въ уваженіе его опытности и проницательнаго ума. Но идея къ тому установилась такимъ образомъ, что въ нихъ возникла мысль, будто дѣло шло о тайной любовной сдѣлкѣ за его спиною. Для него Георгъ былъ еще мальчикъ, а Марія почти что ребенокъ — и не ломая долго благородной головы, рѣшилъ онъ что исторія эта совершенно не приличная.

— Я не потерплю этаго, сказалъ онъ Георгу.

— Чего не потерпишь ты, батюшка?

— Не представляйся, ты знаешь, на что я намекаю! Если это дѣло нельзя будетъ устроить какънибудь иначе, то тебѣ надо будетъ уѣхать отсюда. Прежде чѣмъ думать о женитьбѣ, ты долженъ составить себѣ состояніе!

— Да я вовсе и не думаю о женитьбѣ!

— Гдѣ же были твои мысли, когда я засталъ тебя съ Маріею? Я не дозволю этой глупости ради нея, ради тебя и, наконецъ, ради меня самаго. Ты хорошо сдѣлаешь, если на время удалишься отсюда.

— Если вамъ угодно, батюшка, то я завтра снаряжусь въ дорогу.

Михаилъ ни слова не возразилъ на это. На слѣдующій день Георгъ дѣйствительно собрался въ путь, едва давая себѣ часъ времени, чтобы привести въ порядокъ ту часть отцовскихъ дѣлъ, которые лежали на его обязанности. Надо знать, что въ предпріятіяхъ отца Георгъ не оставался празднымъ зрителемъ и что, почти со времени его выхода изъ народной школы, ему былъ порученъ надзоръ надъ торговлею срубленнымъ лѣсомъ, равно какъ и надъ пильною мельницею. Отецъ Георга, выразивши, что передъ вступленіемъ въ бракъ, сынъ долженъ сперва составить себѣ состояніе, не могъ

упрекнуть его въ праздности. Георгъ въ срубкѣ лѣса и пильной мельницѣ зналъ столько же толку, сколько Марія въ живности и полотнѣ. Михаилъ не совѣмъ былъ правъ, разлучая молодыхъ людей: они составили бы подходящую пару, а въ его домѣ нашлось бы и для нихъ мѣстечко; въ противномъ же случаѣ въ Гронперѣ имѣлось много пустаго мѣста, гдѣ можно было бы выстроить другой домикъ. Но глава дома, конечно, не могъ спокойно смотрѣть на то, чтобы мальчики и дѣвочки, составляющіе его собственность, влюблялись подъ самымъ носомъ, не испросивъ первоначально его позволенія и совѣта. «Это дѣло и для меня было не очень то легко», говаривалъ самъ себѣ старикъ.

Правда, съ другой стороны, Георгъ былъ уже слишкомъ сухъ съ отцомъ, но можетъ быть ему самому не было ли пріятно, воспользоваться этимъ обстоятельствомъ, чтобы уйти изъ Гронпера и на время разлучиться съ Марією? Во всякомъ случаѣ, не мѣшало ему поближе ознакомиться со свѣтомъ и если Марія была красивая, умная дѣвушка, то въ чужихъ краяхъ ему удалось бы можетъ быть найти дѣвушку еще красивѣе и умнѣе ея!

Разговоръ отца и сына происходилъ въ свѣтлый, сентябрьскій день и часъ спустя Георгъ былъ уже на горной вершинѣ, подлѣ работниковъ, занимающихся сдираніемъ коры съ большихъ, сосновыхъ срубковъ; тутъ онъ пребылъ до глубокой ночи. Вернувшись домой, онъ, въ разговоръ съ мачихой, слегка коснулся своего намѣренія, на слѣдующее утро отправиться въ Кольмаръ и взять съ собою изъ своихъ вещей все что было приведено въ порядокъ. Въ этотъ вечеръ онъ не говорилъ съ Марією, а отцу отдалъ еще только нѣкоторые отчеты о строевомъ лѣсѣ и мельницѣ; Каспаръ Муницъ, главный лѣсной стрѣлокъ, сказалъ онъ, хорошо знакомъ съ дѣлами и въ состояніи руководить дальнѣйшими работами, пока отцу самому вздумалось бы посмотреть за ними. Михаилъ Фоссъ былъ грустно настроенъ и злоба снѣдала его; однако онъ ничѣмъ не выразилъ этого, передалъ сыну черезъ жену сто франковъ, не высказавъ ей при этомъ волновавшихъ его чувствъ.